

В. В. Виноградов

ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ. II *

Начитанный, начитанность

Смешанное двуязычие в структуре слова обнаруживается не-редко не столько непосредственно морфологическим его составом, сколько отношением этого слова к другим словам из той же лексической, словообразованной цепи. Например, значение и строение слов *начитанный* и *начитанность* в русском языке мотивированы. И тем не менее эти слова несколько выпадают из живой системы русских грамматических соотношений (ср. отсутствие глагола *начитать* кого-нибудь и невозможность прямого соотнесения слова *начитанный* с глаголом *начитаться*).

Слова *начитанный*, *начитанность* возникли в русском литературном языке начала XIX в. Они пришли на смену архаическим церковнославянским *книгочий*, *книгочетство*. Так, в «Полном немецко-российском лексиконе, из большого грамматикально-критического словаря г. Аделунга составленном, и изданным Обществом ученых людей» (СПб., 1798) указываются такие русские соответствия немецким словам *belesen* и *Belesenheit*: *Belesen adj.* и *adv.* «Книгочий, тот кто много читал. Ein belesener Mann, человек много книг читавший: от того die Belesenheit, книгочетство, многочетство» (стр. 229). Очевидно, в русском литературном языке конца XVIII в. слова *начитанный* и *начитанность* еще не укоренились.

Вместе с тем несомненно, что немецкие слова *belesen* и *Belesenheit* дали толчок к образованию соответствующих русских слов *начитанный* и *начитанность*. Таким образом, эти русские слова образованы посредством калькирования немецких *belesen*, *Belesenheit*. На то, что *начитанный* и *начитанность* — кальки, указывает и своеобразие их строя. *Начитанный* — не причастие страдательное от глагола *начитать*, а самостоятельно образованное отглагольное имя прилагательное.

А. С. Шишков ссылается на слово *начитанность* как на своеобразный неологизм карамзинского стиля. В «Рассуждении

* См. В. В. Виноградов. Историко-этимологические заметки [ч. I]. Сб. «Этимология». М., Изд.-во АН СССР, 1963, стр. 85—109.

о старом и новом слоге Российского языка» он упрекает новейших русских писателей в том, что они «не вникая в язык своей многих слов не знают, или по неупражнению своему в чтении книг своих почитают их обветшалыми, и делают на место оных новые слова сочиняя и спрягая их не по смыслу и разуму коренных знаменований оных, по по приучению слуха своего к чужим словам и объяснениям, как-то: *начитанность, картиное положение, письменный человек*, и тому подобные»¹. Ср. также: «*Обработанность—обдуманность—начитанность.* — Помилуйте! Долго ли нам так писать? Не уж ли мы в подлинну думаем, что язык наш будет в совершенстве, когда мы из всех глаголов без всякого размышления и разбора накроем себе кучу имен?»².

В «Московском Меркурии» (1803, ч. 3, стр. 45) в качестве «новых слов, которыми ни один еще Русский Лексикон не украшен», указаны такие — среди индивидуальных неологизмов: «*Начитанность—сердечность—равносторонность* (вместо Политического равновесия)—чинность—неписьменность (вместо простотумия)—фигурность—изящная обдуманность—народодержавная догадка—соторжка—довременной—кривотолчить—картины, списанные с случаев—портреты деяний героя—декламировать стихи в доль—коллекция славы—экспатриот... авторитет (вместо авторства)». Но слова *начитанный, начитанность* очень быстро находят широкое признание, хотя и не попадают в переработанный «Словарь Академии Российской» (СПб., 1806—1822). и в «Общий церковно-славяно-российский словарь» П. Соколова (СПб., 1834).

В академическом «Словаре церковно-славянского и русского языка» 1847 г. слова *начитанный* и *начитанность* уже рассматриваются как общелiterатурные и общепризнанные:

«*Начитанность, и, с, ж.* Свойство начитанного: познания, приобретенные чтением.

Начитанный, ая, ое,—и, а, о, 1) прич. стр. гл. *начитать.* Он говорит не свое, а начитанное. 2) пр.(илаг.—*B. B.*). Много читавший, научившийся многому из книг. *Он человек начитанный*»³.

Всякому ясно, что под словом *начитанный* искусственно объединены две омонимические формы.

Слова *начитанный, начитанность* входят в норму русской литературной лексики не позднее 20—30-х годов XIX в.

У Н. И. Греча в «Воспоминаниях старика»:

¹ А. С. Шишков. Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка. СПб., 1803, стр. 69.

² Там же, стр. 205—206.

³ «Словарь церковно-славянского и русского языка», т. 2. Изд. 2, СПб., 1867, стр. 884—885.

«Однажды прочитал он мне прекрасный проект устройства гражданской и уголовной части, в котором было много ума, начитанности, наблюдательности»⁴.

В рецензии «Литературной газеты» от 24 февраля 1840 г. (№ 16) на «Мечты и звуки» — стихотворение Н. Н. [екрасова]: «Видно воображение в авторе, еще более видна начитанность лучших русских поэтов» (стр. 374).

Переживание

Отглагольные имена существительные на -ние, несмотря на сужение круга производящих глагольных основ (например, несмотря на все усиливающуюся нивелировку в них видовых и залоговых различий), сохранили свою продуктивную силу на протяжении всей истории русского литературного языка с XI—XII вв. до настоящего времени. И с особенной остротой в истории этих отглагольных имен наблюдаются процессы морфологического и семантического взаимодействия русских народных, славяно-книжных и западноевропейских языковых элементов. Многие имена существительные этого типа, сочетая в своей структуре народную русскую основу с старославянским суффиксом, крепко впитали в себя отражения функций соответствующих «эквивалентов» в лексике западноевропейских языков.

Слово *переживание* в современном русском языке выражает несколько значений⁵, и все они характерны для книжной речи и ее разных стилей.

1. Только в единственном числе. Действие по глаголу *пережить*—*переживать* в значении ‘испытать какое-нибудь впечатление, ощущение’. *Переживание сильной боли*. *Переживание первого морского путешествия*. «Прием переживания ролей в жизни требовал постоянного экспромта»⁶.

2. В археологии и этнографии, этнографии: ‘продукт или реликт пережитого прошлого, остаток старины, чего-нибудь устаревшего’; синоним *пережиток*. *Переживания мифологического мировоззрения*. *Переживания каменного века*. Ср. франц. *survivance*.

3. ‘Психическое состояние, характеризуемое наличием каких-нибудь впечатлений, ощущений или эмоций, испытываемых, переживаемых кем-нибудь’. *Мучительные душевные переживания*. *Масса новых переживаний*. В области театроведения: ‘внутреннее воспроизведение актером того психического состояния, которое

⁴ Н. И. Греч. Записки о моей жизни. М.-Л., «Academia», 1930, стр. 504.

⁵ «Толковый словарь русского языка». Под редакцией проф. Д. Н. Ушакова, т. III. М., 1939, стр. 127—128.

⁶ К. Станиславский. Моя жизнь в искусстве. М. «Academia». 1933, стр. 114.

предполагается у изображаемого персонажа'. *Игра с переживаниями.*

К. И. Чуковскому слово *переживания* казалось «ярко окрашенным позднейшей эпохой», типичным словом «декадентских девяностых годов»⁷.

Легко заметить, что значения слова *переживание* тесно связаны с значениями производящего глагола *пережить—переживать*. В слове *переживание* сплатаются смысловые ответвления двух (из числа четырех основных) значений и их оттенков глагола *пережить—переживать*.

Пережить—переживать обозначает:

1. *Кого—что.* 'Прожить дольше кого-нибудь—чего-нибудь, оставаться существовать после кого-нибудь—чего-нибудь'.

У Пушкина в стихотворении «Брожу ли я...»:

... Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.

Ср.: Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты,
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Ср. *пережиток, переживание* во втором значении.

2. *Что.* 'Прожить, просуществовать какой-нибудь срок, время'.

Пережить голодное время. Пережить страшный период блокады.

3. *Что.* 'Вынести, перетерпеть, найти в себе силы перенести, выдержать что-нибудь (нечастие, горе, бедствие)'. *Пережить тяжелое горе. Пережить удар судьбы.*

4. *Что.* 'Испытать какое-нибудь ощущение или впечатление'. *Я пережил много приключений. Как мало прожито — как много пережито!*

Чаще в форме несовершенного вида. 'Выражать в сценической игре предполагаемые психические состояния изображаемого персонажа, как бы непосредственно испытывая их, действительно ими заражаясь'.

У К. С. Станиславского в указанной выше книге: «*Пережить или представиться переживающим* — огромная разница, такая же, какая существует между естественным, органическим комизмом и внешним ломаньем шута. Я неискусно представлялся *переживающим* там, где Федотов органически *переживал*» (стр. 197); «Когда артист говорит: „Я сегодня в духе! Я в ударе!“, или „Я играю с наслаждением!“, или „Сегодня я *переживаю* роль“, — это значит, что он случайно находится в творческом состоянии» (стр. 527—528).

⁷ К. Чуковский. Высокое искусство. М., 1941, стр. 64.

Два последних значения в глаголе *переживать—пережить* настолько органически, настолько тесно связаны, что в них необходимо видеть разросшиеся и разошедшиеся ветви одного общего семантического ствола. На них и опираются основные значения слова *переживание*.

Слово *переживание* не отмечалось ни одним словарем русского языка до «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля. Это обстоятельство находится в связи с тем, что соответствующие значения до этого времени не были ярко выражены — частью они еще вовсе не определились, частью же не были активны и в глаголе *пережить*. В «Словаре Академии Российской» глагол *переживать—пережить* определяется так:

«1) Продолжать жить более других или препровождать где известное время. *Иногда старики молодых переживают. Большой едва ли день переживает.* 2) Жить во многих домах или у многих людей во услужении. *В доме у него много жильцов пережило. У многих хозяев пережил прикащиком.*

*Пережить нужду, нещастие, беду. Перенести, претерпеть. Я не думал пережить своего нещастья*⁸.

Таким образом, фразеологически связанное значение глагола *пережить* ‘перенести, претерпеть’ не выделяется как значение особое, самостоятельное. Очерчивается лишь основной круг его фразеологического употребления.

Никаких производных слов от той же основы не указано.

Академический «Словарь церковно-славянского и русского языка» 1847 г. ограничивается указанием двух основных свободных значений глагола *переживать—пережить*:

«1. Жить более других, или более чего-либо. *Не дай бог пережить милых сердцу. Пережить свое несчастье.*

2. Пожить во многих местах. *Пережил во всех улицах города*⁹. Фразеология, относящаяся к значению ‘перенести, претерпеть’, устранена. Очевидно, соответствующие выражения считались не очень употребительными. Они были вытеснены синонимическими фразами: испытать нещастие, нужду, беду и т. п.; ср. *питать горе, надежду и т. п.*

Но в академическом словаре 1847 г. указаны такие производные имена существительные разговорной речи, связанные с глаголом *пережить*:

«*Переживка, и, с. ж. и Пережив, а, с. м. Прожитие более условного времени; просрочка. Приплатить работнику за переживку*; ср. «*Пережиточный, ая, ое, пр. Относительный к тому, кто переживает других. Пережиточная запись*¹⁰.

⁸ «Словарь Академии Российской», ч. IV. СПб., 1822, стр. 900.

⁹ «Словарь церковно-славянского и русского языка», т. 3. СПб., 1847.

¹⁰ Там же.

Слова *переживание* и *пережиток* не приведены, хотя существование последнего слова уже предполагается формой имени прилагательного *пережиточный*.

В «Толковом словаре» В. И. Даля у глагола *переживать* — *пережить* (кроме значения ‘живь долее других, долес чего-либо’) отмечается значение: «Испытать, видеть, перенести многое на веку своем... Не чаяла я *пережить* этого бедствия... *Переживи-ка с мое, не то скажешь*»¹¹.

Таким образом, в 30—50-х годах XIX в. глагол *переживать* получает более широкое значение — ‘испытывать, переносить’. Ср. у И. А. Гончарова в заметках «Намерения, задачи и идеи романа „Обрыв“» (1870—1872 гг.): «Россия *переживает* теперь великую эпоху реформ»¹².

У Герцена в «Былом и думах» (ч. 4, гл. XXV): «Я думаю даже, что человек, не *переживший* „Феноменологии“ Гегеля и „Противоречий общественной экономии“ Прудона, не *перешедший* через этот горн и этот закон, не полон, не современен».

На основе этого нового употребления глагола *пережить* — *переживать* около середины XIX в. укрепляется производное слово *переживание* для обозначения действия по глаголу *пережить* — *переживать* и состояния по глаголу *переживаться*. Это значение слова *переживание* и отмечено в «Толковом словаре» Даля.

У Ф. М. Достоевского в статье «Г-бов и вопрос об искусстве» (1861): «Вследствие петровской реформы, вследствие нашего усиленного *переживания* вдруг многих разнообразных жизней, вследствие инстинкта всеизменности, и творчество наше должно было проявиться у нас так характерно, так особенно, как ни в каком народе»¹³.

В 60—70-х годах XIX в. слово *переживание* начинает применяться безъобъектно как психологический термин. Укрепляется же это употребление только в последние десятилетия XIX в. В начале XX в. оно переходит и в сферу теории сценического искусства.

Ср. у В. В. Вересаева в статье «Н. К. Михайловский»: «Теперь перечитывал (повесть «Без дороги». — В. В.) и с отчаянием ощущал: нет, — живо; даны подлинные, свои *переживания*; многое выражено сильно»¹⁴.

У К. С. Станиславского в книге «Моя жизнь в искусстве»: «Воспоминания о более поздних детских чувствованиях еще ярче врезались в душу. Они относятся к области артистиче-

¹¹ Да ль² III, стр. 48—49.

¹² «Русские писатели о литературе», т. I. Л., 1939, стр. 379.

¹³ Там же, т. II, стр. 164.

¹⁴ В. В. Вересаев. Воспоминания. М., 1936, стр. 387.

ских потребностей и *переживаний*» (стр. 24). «Я лишь внешне копировал результаты чужого *переживания*: пыжился и физически напрягался» (стр. 160). «Технические приемы игры толкали меня к правде, а ощущение правды — лучший возбудитель чувства, *переживания*, воображения и творчества» (стр. 212).

«Трудно было бы создавать на сцене внутреннюю правду, правду чувств и *переживания*, среди внешней навязчивой и грубой театральной лжи» (395).

В 70—80-х годах распространяется употребление слова *переживание* в значении 'пережиток, реликт старины'. Это значение слова *переживание* очень часто встречается в этнографических журналах 80—90-х годов XIX в.¹⁵ Тут, очевидно, сказалось влияние и франц. *survivance*, и англ. *survival*.

В труде Тейлора «Первобытная культура» (1871) была разработана и выдвинута на первый план теория культурных *переживаний*.

В рассказе П. А. Брюлова о разговоре с Достоевским, относящемся к 1870-м годам (сообщено его сыном): «— „Фауст“ Гете? это только *переживание* книги Иова... — Позвольте, возразил мой отец, но в таком случае и Сикстинская Мадонна есть тоже *переживание* античности, античного представления красоты»¹⁶.

По-видимому, в 80—90-е годы укрепляется в русском литературном языке и слово *пережиток*, не отмеченное ни одним словарем русского литературного языка до бодуэновских дополнений к словарю Даля и до словаря П. Е. Стояни¹⁷: «*пережиток* — устарелый обычай, устаревший обряд, след древности в нравах».

Проф. Бодуэн де Куртене посвятил слову *пережиток* в «Толковом словаре» В. И. Даля такую тонкую и глубокую статью: «*Пережиток, итка, м.* в науках биологических и психосоциальных, остаток старины, часть тела, обычай и т. п., не оправдываемые настоящими потребностями, а находящие себе причинное оправдание в прошлом, польск. przeżytek; немецк. das Überlebende, англ. survival»¹⁸.

Таким образом, слово *переживание* в 80-х годах XIX в. стало употребляться в том же значении, что и слово *пережиток*.

¹⁵ Ср., например, в журн. «Этнографическое обозрение» (М., 1895, № 1, стр. 94): «культурное *переживание*».

¹⁶ В. Е. Чешихин-Ветринский. Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях современников и его письмах, ч. I. М., 1923, стр. 151.

¹⁷ См.: П. Е. Стоянин. Малый толковый словарь русского языка, 3-е изд. 1916, стр. 39.

¹⁸ Даль⁴ III, стр. 127—128.

Слово *интеллигенция* в значении, близком к современному, появляется в русском литературном языке 50—60-х годов XIX столетия. В. И. Даль помещает это слово в «Толковый словарь живого великорусского языка», объясняя его таким образом: «разумная, образованная, умственno развитая часть жителей»¹⁹. Прилагательного *интеллигентный* Даль не указывает. Очевидно, оно в 60—70-х годах еще не получило особенно широкого распространения. Слово *интеллигент* также Далем не отмечено.

Есть основания предполагать, что слово *интеллигент* укрепилось в русском языке еще позднее, чем прилагательное *интеллигентный*, и во всяком случае не ранее 70—80-х годов.

В 1890 г. Ив. Желтов в заметке «Иноязычие в русском языке»²⁰ писал: «Помимо бесчисленных глаголов иноземного происхождения с окончанием -ировать, наводнивших нашу повременную печать, особенно одолели и до тошноты опровергли слова: *интеллигенция*, *интеллигентный* и даже *чудовищное имя существительное* (курсив мой. — В. В.) — *интеллигент*, как будто что-то особенно высокое и недосягаемое. Случается даже встречать: *сельская интеллигенция!*...

В известном смысле, впрочем, эти выражения обозначают действительно понятия новые, ибо „интеллигенции“ и „интеллигентов“ у нас прежде не бывало. У нас были люди учёные, затем люди образованные, наконец, хотя и не учёные и не образованные, но все-таки умные. „Интеллигенция“ же и „интеллигент“ не означают ни того, ни другого, ни третьего. Всякий недоучка, нахватавшийся новомодных оборотов и слов, зачастую даже и круглый дурак, затвердивший таковые выражения, считается у нас „интеллигентом“, а совокупность их „интеллигенцией“²¹.

И. С. Тургенев вкладывает слово *интеллигенция* в уста интеллигента в «Странной истории» (1869) и сопровождает его комментариями повествования. Видно, что в разговорной речи слово *интеллигенция* тогда было еще новинкой: «„Послезавтра в дворянском собрании большой бал, советую съездить: здесь не без красавиц. Ну, и всю нашу интеллигенцию вы увидите“.

Мой знакомый, как человек, некогда обучавшийся в университете, любил употреблять выражения учёные. Он произносил их с иронией, но и с уважением».

С 60-х годов начинает распространяться и прилагательное *интеллигентный* в значении ‘осмысленный, с развитым интеллектом’. У В. П. Боткина в письме к И. С. Тургеневу (от 6 июня

¹⁹ Даль 2 II, стр. 46.

²⁰ «Филологические записки», вып. IV—V. Воронеж, 1890, стр. 2.

²¹ Там же, стр. 3.

1863 г.): «Великая перемена совершилась в русском обществе — даже физиономии изменились, — и особенно изменились физиономии солдат — представь — человечески интеллигентными сделались»²².

В очерке Тургенева «Пэгас» (1871): «Собака стала болезненнее, первоначе, ее годы сократились, но она стала интеллигентнее, впечатлительнее и сообразительнее; ее кругозор расширился».

До 50—60-х годов XIX в. слово *интеллигенция* употреблялось в значении 'разумность, сознание, деятельность рассудка'. Слово *разумность* для перевода лат. *intelligentia* было предложено В. К. Тредьяковским еще в 30-х годах XVIII в. По-видимому, употребление слова *интеллигенция* в русском литературном языке с значением 'разумное постижение действительности' укрепилось в философском лексиконе 20—30-х годов XIX в.

Проф. А. Галич в своем «Опыте философского словаря», напечатанном в приложении к сочинению «История философских систем» (ч. I и II, 1818), так объясняет термин *интеллигенция*: «Интеллигенция, разумный дух» (ч. II, стр. 321).

Позднее Н. П. Огарев в письме (1850 г.) к Грановскому пишет: «Какой-то субъект с гигантской интеллигенцией рассказал, что жена моя говорит, что вы — друзья мои — меня разорили! И вместо того, чтобы обратиться ко мне с запросом (если уж духа не хватало рассердиться на клевету), вместо того обвинение субъекта с гигантской интеллигенцией было принято за аксиому»²³.

В Дневнике В. Ф. Одоевского: «Милютин говорит: поляки в продолжение 40 и более лет смотрели на нас, как на медведя, правда — но с которым человек, одаренный умом (т. е. поляк), всегда может справиться посредством своей интеллигенции. Надобно их уверить, что и москаль не лишен интеллигенции» (1865)²⁴.

Ср. в статье Б. Храневича «Ф. М. Достоевский по воспоминаниям ссыльного поляка»²⁵ о 50—60-х годах XIX в.: «Нужно иметь в виду, что слова „интеллигенция“, „интеллигент“, „интеллигентный“ еще не вошли тогда в обиход русской литературы, и потому Достоевский (в „Записках из Мертвого дома“. — В. В.) по необходимости пользовался общеупотребительным, всем понятым словом „дворянин“, тем более, что в то время

²² В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. М.—Л., «Academia», 1930, стр. 177.

²³ «Русские прошлии. Материалы по истории русской мысли и литературы», т. 4. М., 1917, стр. 113 и 126. Ср.: Я. З. Черняк. Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве. М.—Л., «Academia», 1933, стр. 163.

²⁴ «Литературное наследство» 1935, № 22—24, стр. 198.

²⁵ «Русская старина» 1910, март, стр. 608.

слова „дворянин“ и человек „образованный“ были почти синонимы».

Слово *интеллигенция* в собирательном значении ‘общественный слой образованных людей, людей умственного труда’ в польском языке укрепилось раньше, чем в русском (ср. франц. *les intellectuels*). Поэтому есть мнение, что в новом значении это слово попало в русский язык из польского. Так, Б. Маркевич в своих мемуарных очерках «Из прожитых дней». (3. На юге в сороковых годах) писал: «В Москве... сказывалась... духовная жизнь, благодаря... благотворному влиянию тогдашнего университета и той дворянской, образованной и независимой по средствам и духу среде, в которой слагалась тогда ее *интеллигенция* (употребляю здесь термин, тогда еще не выдуманный, или, вернее, не заимствованный еще тогда русской печатью у польской)». Михельсон также признавал слово *интеллигенция* заимствованием из польского. Устная традиция связывает первое употребление слова *интеллигенция* в языке художественной литературы с именем П. Д. Боборыкина.

У Салтыкова-Щедрина в «Пошехонских рассказах»: «*Интеллигенцией* смеются называют у нас всякого не окончившего курс недоумка».

У Б. М. Маркевича в романе «Бездна»: «У вас в Петербурге „интеллигенция“; mein Liebchen, was willst du noch mehr?».

У Г. И. Успенского в очерке «Бог грехам терпит. Деревенская молодежь»: «Пора дать дорогу — не скажу уже готовой, „настоящей“ интеллигенции, а хотя тем вопросам общественного блага, которые могут образовать эту настоящую интеллигенцию. Да, еще „образовать“ ее надо — так она слаба, не уверена в себе, во всех тех видах, которые доступны ей в настоящем»²⁶.

Ср. в статье В. Вересаева «О Качалове»: «Наша русская интеллигенция, настолько характерная, что дала иностранным языкам специфическое слово *intelligentsia* (в транскрипции русского слова)...»²⁷

Пресловутый

Б. Китерман в своей известной статье «Эмоциональный смысл слова» писал: «В жизни народов нередко наблюдается — и это имеет для исследователя истории цивилизации не малый интерес — факт изменения эмоционального содержания слова,

²⁶ Приведенные примеры из указанных работ Б. М. Маркевича, М. Е. Салтыкова-Шедрина и Г. И. Успенского даны по книге М. И. Михельсона «Русская мысль и речь», т. I. СПб., 1897, стр. 377.

²⁷ В. В. Вересаев. О Качалове. — «Литературная газета» от 10 февраля (№ 7/1118) 1945 г., стр. 3.

эмоциональная переоценка слова, влекущая за собой изменение и этической и эстетической ценности его: то, что раньше служило выражением одобрительным, высоким, обозначением положительного характера, то может под влиянием различных социальных, культурных и политических переживаний сделаться обозначением низким, не одобрительным, получить отрицательную этическую или эстетическую ценность и обратно»²⁸. В истории славянизмов на русской почве такие экспрессивные превращения особенно своеобразны.

Слово *пресловутый* в современном русском языке значит 'приобретший печальную известность, «знаменитый» в кавычках, пользующийся дурной славой, дурной репутацией'. Оно употребляется лишь с оттенком иронии и осуждения и свойственно преимущественно стилям книжного языка. Это слово представляет собой старое книжное образование. В «Материалах для словаря древнерусского языка» указаны лишь старославянские образования: *пресловый* и *пресловущий* со значением 'славный, знаменитый, почитаемый, прославляемый'. Например, в Минее 1096 г. (окт.): *пресловый* Вакхе; в Минее праздничной XII в.: Павъле *пресловущий*; в Житии Стефана Пермского: *В пресловущем граде Москве*. Таким образом, слова *пресловый*, *пресловущий* входили в традиционную книжную формулу величания, прославления²⁹. С другой стороны, известны народные восточнославянские образования от основы *слов* с суффиксом -ут: например, в «Слове о полку Игореве»: О Днепре *словутию* (т. е. потомок словута, знаменитый, славный); в Ипатьевской летописи (под 6749 г.): *Словутьного пѣвца Митусу... раздраного...* приведоша³⁰.

Словутый образовано с помощью суффикса *-qt(-ut-)* от глагольной основы (ср. *ре(в)-ут-*; чеш. *tekutý*, *běhutý*, *mohutný*; ст.-слав. *можтъ*)³¹. Слово *словутый* является дальнейшим суффиксальным (суффикс *-ън-*) осложнением имени прилагательного *словутый*.

Таким образом, слово *пресловутый* представляет собой своеобразное, очень старое книжное образование, составленное из приставки *пре-* и имени прилагательного *словутый* (ср. старославянское причастное образование *пресловущий*). Этимологический состав этого слова был не вполне ясен уже в XVIII в.

Слово *пресловутый* дошло до XVIII в. и было включено в лексическую систему высокого словенского слога, хотя и с оттенком архаичности. В «Словаре Академии Российской» находим: «Пресловутость, -сти. Знаменитость. Пресловутый, тая,

²⁸ ЖМНП 1909, январь, стр. 173.

²⁹ Срезневский II, стр. 1691—1692.

³⁰ Там же, III, стр. 421.

³¹ См.: Б. М. Ляпунов. Этимологический словарь русского языка А. Г. Преображенского. — «Известия ОРЯС АН», т. XXX, 1925, стр. 12.

тое, пресловут, а, о, пр. Сл. Преславный, презнаменитый. *Иже у нас целомудрием пресловутый*. Эсфирь, 3.13. *Пресловутые подвиги*³². По-видимому, слово *пресловутый* уже во второй половине XVIII в. носило некоторый отпечаток церковности. Во всяком случае в «Церковном словаре» П. А. Алексеева это слово помещено и определяется так: «преизящный, преславный»³³.

Е. Станкевич в «Рассуждении о русском языке» (СПб., 1808, ч. II, стр. 22) писал об этом слове: «Другие слова стали нам темными потому, что не знаем их корней, а иные производим не от тех, от коих произошли они. К последним можно причислить прилагательное *пресловутый*, истолкованное в церковном словаре (т. е. в «Церковном словаре» П. А. Алексеева.—*B. B.*) (да и многими так понимаемое), *преизящный, преславный; ...однако... корень оного не есть слава, славный... но слово*. Следственно *пресловутый* не значит *преславный*, но *прославивший, сделавшийся известным, отличным в народе...*»

Все же в XVIII в. слово *пресловутый* не выходило за пределы литературно-языковой системы, будучи принадлежностью высокого слога, выражало стариинное патетическое значение 'преславный, презнаменитый'. Например, *пресловутые подвиги*³⁴. По-видимому, эта же возвышенная, важная окраска сохранялась в слове *пресловутый* и в литературных стилях первой трети XIX в., хотя *пресловутый* в это время уже целиком воспринималось как церковно-книжный архаизм. Во всяком случае в «Словаре церковно-славянского и русского языка» (1847 г., 2-е изд.) *пресловутый* квалифицировалось как церковное, т. е. как устарелое слово и определялось так: «известный и знаменитый». Характерно, что иллюстрация приводилась из той же библейской книги «Эсфирь» (III, 13): «Иже у нас целомудрием пресловутый... Аман». Очевидно, что до середины XIX в. *пресловутый* считалось в числе архаических выражений стариинного церковного слога или высокого стиля классицизма.

Ср. у Тютчева:

Там, где горы убегая,
В светлой тянутся дали,
Пресловутого Дуная
Льются вечные струи³⁵.

³² «Словарь Академии Российской», ч. V. СПб., 1822, стр. 237—238.

³³ «Церковный словарь» П. Алексеева, ч. II, 1794, стр. 368.

³⁴ См. «Словарь Академии Российской», ч. V. СПб., 1822, стр. 237—238.

³⁵ Характерен комментарий проф. Р. Ф. Брандта к этим стихам: «Тот же хронологический вопрос вновь всплывает насчет слова „*пресловутый*“, звучащего теперь прямо комично, но смело употребленного Тютчевым, тогда как можно было сказать „*знаменитый*“ или „*многославный*“» («Материалы для исследования „Ф. И. Тютчев и его поэзия“». — «Известия ОРЯС АН» 1911, т. XVI, кн. 3, стр. 36—37).

Но в публицистическом языке второй половины XIX в. слово *пресловутый* возрождается, становится живым, употребительным и приобретает ироническую, презрительную окраску (так же, как и многие другие архаические церковнославянизмы). Его значение получает резко отрицательный, уничижительный оттенок: 'приобретший отрицательную или сомнительную известность, славу', 'вызвавший шумные, но скандальные толки'; например, *пресловутый чудотворец*³⁶.

Этот экспрессивный сдвиг еще не был общепризнан в литературном языке 40—50-х годов XIX в., хотя уже очень ясно обозначался в это время.

В «Русском Жилблазе» Гени Симоновского: «Ученый прислал мне полновесную Историю — творение, наделавшее много шума (*не из пустяков ли?*) и самое *пресловутое*»³⁷.

У Ап. Григорьева в «Моих литературных и нравственных скитальчествах»: «На меня весьма малое впечатление произвел, например, „Айвенго“, и я не обинаясь скажу, что насчет сказочного интереса *пресловутый* роман этот весьма уступит сказкам Дюма»³⁸.

У Тургенева в «Воспоминаниях о Белинском»: «Аргумент о преимуществе настоящего яблока перед написанным уже потому на него бы не подействовал, что этот *пресловутый* аргумент лишается всякой силы, как только мы возьмем человека сытого»³⁹. У него же в статье «Гоголь»: «Но в то время только что появилась — в одном заграничном издании — статья Искандера, в которой он, по поводу *пресловутой* „Переписки“, упрекал Гоголя в отступничестве от прежних убеждений»⁴⁰.

Истошный [голос]

Среди областных народных слов, бытующих в словаре русского литературного языка, есть былие книжно-славянизмы. Их не всегда сразу узнаешь, так как некоторые из них подверглись морфологической деформации. Таково, например, слово *истошный*.

В рассказе И. А. Кущевского «Новый солдат» (в речи солдатской женки Матрены Дмитриевой): «Ребенок *источно* кричит — умирает»⁴¹.

В современной разговорной речи нередко употребляется вы-

³⁶ Ср. «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, т. III, стр. 750.

³⁷ Гени Симоновский. Русский Жилблаз, ч. 2. М., 1832, стр. 137.

³⁸ Ап. Григорьев. Воспоминания. М.—Л., «Academia», 1930, стр. 155.

³⁹ И. С. Тургенев. Сочинения, ч. I. М., 1869, стр. XLIX.

⁴⁰ Там же, стр. LXXII.

⁴¹ И. А. Кущевский. Неизданные рассказы. СПб., 1882, стр. 52.

ражение *истошный голос*: вонить, кричать *истошным голосом*. В этом контексте *истошный* обозначает 'отчаянный, дикий'. Вообще же говоря, слово *истошный* современному языку чуждо. Оно является лишь компонентом фразеологического сращения *истошный голос*. Звуковой облик формы *истошный* связывает ее с живой народной, и притом московской или замосковной, южно-великорусской речью. В книжном стиле это слово произносилось бы *источный*. В «Толковом словаре» В. И. Даля это выражение помещено в гнезде, связанном с глаголом *истекать—истечь*: «*Источный, истекающий, к истеку, истоку относящийся. Источная вода, ключевая, родниковая, живцовая. Кричать источным голосом или в источний голос, моск., смб. диким, отчаянным, последним, предсмертным, благим матом; ошибочно высточным*»⁴². Таким образом, до половины XIX в. выражение *источный голос* расценивалось как народно-областное. И действительно: оно не напло себе места ни в «Словарях Академии Российской», ни в академическом «Словаре церковно-славянского и русского языка» 1847 г. Очевидно, оно еще не имело общего распространения в живой устной речи, еще не было общеразговорным. Оно было вмешено сначала в «Опыт областного великорусского словаря»: «*Источный, ая, ое, пр. Дикий, необыкновенный. Источный голос. Моск. Верейск*»⁴³.

Между тем образ, лежащий в основе этого выражения, был широко распространен и в древнерусской письменности. В «Хождении Арсения Селунского» встречается фраза «глас истечет», привлекшая внимание А. В. Маркова, который и сопоставил с ней выражение *источный голос*. А. В. Марков признал это выражение чисто русским⁴⁴.

Однако это слово могло возникнуть лишь в книжном языке. Оно носит явную печать книжно-славянизма. Оно также относится к глаголу *истечь* (ср. *источать*), как *проточный (проточная вода)* к *протечь*. Между тем глаголы *истечь* и *источить* (*излить*) — старославянского происхождения (ср. *по истечении времени; истекший*; ср. русский *вытечь*). Следовательно, и в слове *источный* необходимо признать книжно-славянское выражение, хотя и появившееся на русской почве (ср. «Материалы» И. И. Срезневского). Ср. у П. И. Мельникова-Печерского в романе «В лесах» и «На горах»: «Заревела в *источный голос* — отчаянный безнадежный, последний». Проф. Е. Ф. Будде ошибочно относил это выражение к северовеликорусским⁴⁵.

⁴² Даль 2 II, стр. 58.

⁴³ «Опыт областного великорусского словаря». СПб., 1852, стр. 76.

⁴⁴ А. В. Марков. Родина паломника Арсения Селунского. — РГБ 1914, № 2, стр. 557.

⁴⁵ Е. Ф. Будде. Сочинения П. И. Мельникова (Андрея Печерского) как лексический материал русского литературного языка. — «Zborník u slavu Vatroslava Jagića». Berlin, 1908, стр. 227.

Слово *дотошный* (*доточный*) относится к области устно-фамильярной разговорной речи. Оно значит: 'стремящийся разобраться во всем до мелочей, старательный и аккуратный'. Это слово, судя по его фонетическому облику (*дотошный*; но ср. *точный*, *доточный*) проникло в литературный язык из живой народной, и притом южновеликорусской, речи сравнительно поздно и подверглось здесь отчасти влиянию книжного выговора. Действительно, слово *дотошный* не указано ни одним толковым словарем русского литературного языка до появления «Опыта областного великорусского словаря» (1852). Здесь находим:

«*Доточный, ая, ое, пр. Искусный, знающий в точности дело, Моск. Верейск. Симб.*

Дотышник, а, с. м. Искусный человек. Какой он дотошник! Пенз. Городищ. *Дотошно, нар. Подлинно, действительно, в точности. Уж я это знаю дотошно. Пенз. Городищ. Дотошний, ая, ое, -шен, -шна, о, пр. То же, что доточный. Моск. Дмитр. Пенз. Сарат.*» (49).

Таким образом, это слово сначала отмечается в среднерусских и южновеликорусских говорах. Отсюда оно и внедряется в литературную речь 20—30-х годов XIX в.

И. И. Лажечников в 1824 г. в список провинциализмов, записанных им в Саратовск. губ., поместил: «*Сквайга (скупец), прощелыка (насмешник), рохля (непроворный), дотошный (искусный, умный), дбка (сведущий), юла (вертопрах), трущба (чаща лесная), зря (некстати)*».

И. И. Лажечников стал пользоваться словом *дотошный* (*доточный*) при воспроизведении речи персонажей из народа. Так, в «Ледяном доме» (ч. 2, гл. V): «А коли ты спросишь, для какой потребы петух, и кошка, и смоляная бочка, не могу тебе в ясность порассказать, растолковать. Старики ж наши про то зывали *доточно*; видно, умнее нас бывали».

У того же И. И. Лажечникова в романе «Последний Новик» (ч. 1, гл. 5): «Я знаю, как ты *доточен* на эти дела» (на лечебные).

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля слово *доточный*—*дотошный* уже рассматривается как слово общерусское: «*Доточный, дотошный, доточливый, ср. дотошливыи прл., доточник м. доточница ж. (дотекать, доходить) мастер своего дела, искусник, сведущий и опытный, дошлый, дока; доходчивый, дотечный. Мастер доточный, да хмель оброчный*»⁴⁶.

Однако акад. Я. К. Грот в академическом «Словаре русского языка» (т. I, 1895, стр. 1156) расценивает слово *доточный* как

⁴⁶ Даль 2 I, стр. 498.

простонародное. Он поясняет его синонимами *доскональный* и *дошлый* и иллюстрирует его употребление примером из романа Мельникова-Печерского «В лесах»: «Парень ты золотой, до вся-
кого нашего дела *доточный*». И тут же приводится пословица:
«Мастер *доточный*, — да хмель *оброчный*». Ср. *доточник*.

Для характеристики народно-областной этимологической се-
мантической почвы, на которой возникло слово *доточный*, *до-
точный*, можно привести несколько параллелей.

Проф. С. К. Булич в своих «Материалах для русского сло-
варя» собрал некоторые данные об употреблении слова «*Истоши-
ник* — выдумщик, искусствник, чудак. Мёдуши». У Даля, Подвys.
и в Обл. Сл. нет. Доп. к Обл. Сл. «*истобчица* — мастерница,
искусница, Кур. (Обоян.) у., (стр. 323), *истошник* — мастер на
все руки. Алтайск.»⁴⁷.

---

⁴⁷ С. К. Булич. Материалы для русского словаря. СПб., 1896,
стр. 10.